

Николай Петрович Вагнер

Старый горшок

Н. П. Вагнер
СТАРЫЙ ГОРШОК

Вы наверно знаете, что на свете существует с незапамятных времен старый горшок. Его всегда вечером ставят на стол. Хорош он бывает в тихий ясный вечер, когда вокруг стола собираются все, старые и малые семьи, собираются отдохнуть от тяжелых дневных трудов, весело поболтать и посмеяться вволю, и при этом, может быть, никогда никто из них не подумал, что лучше этого горшка нет ничего в целом здешнем мире. Если в этом горшке нет той курицы, о которой когда-то мечтал один добрый французский король, то, наверно, в нем есть добрый кусок мяса, — того самого мяса, которое всю свою жизнь работало в каком-нибудь воле, а теперь снова пойдет работать в человеке.

Да, этот горшок — вещь великая!.. Но ведь он не падает с неба, а вырастает из земли.

И вот, ради этого горшка, старая бабушка Марта из всех сил хлопотала и стряпала. Дело шло о большом пире на всю деревню, и как же было не устроить этого пира, когда бабушка выдавала замуж свою единственную внучку, милую Розхен? А если бы вы знали, что эта была за чудная девушка — Розхен! О! Вы,

наверное, помогли бы старой бабушке Марте.

Чудная Розхен была — сама прелесть. Вы только вообразите себе доброе личико, которого добрее нельзя придумать. И все это личико, свежее, розовое, со вздернутым носиком и пухлыми щечками, постоянно улыбалось, улыбалось как есть — все, начиная с милых голубых глазок и розовых, пухленьких губок до кругленького подбородка с хорошенькой ямкой.

И как же было не любить старой бабушке Марте такую чудную внучку, которую все любили во всей деревне, и даже не в одной, а в целом околотке? Зато и внучка любила свою бабушку, которая тоже была хотя и старая, но очень хорошая бабушка.

При том она была похожа, очень похожа на свою внучку, так что вся разница между ними была только такая, какая бывает обыкновенно между румяными яблоками: свежим и испеченным. И когда Розхен сидела подле своей бабушки, уже старой, но крепкой, здоровой и бодрой, то ее глазки всем как бы невольно говорили: смотрите, разве я буду дурная, когда буду старухой? У меня будут та-

кие же голубые глаза, как у бабушки, такие же румяные щеки, и улыбающиеся губы, и ямка на подбородке. Я буду только седая и вся в морщинах, но зато я буду еще добрее, потому что каждая морщинка будет складкой, которую мне оставит на память доброе старое время.

Но, разумеется, никто не любил так крепко добрую, милую Розхен, как ее жених, славный малый, Жан. Ведь он любил ее не только потому, что она была хороша, мила и добра, но еще и потому, что он вырос с ней. А как является эта любовь? — об этом, пожалуйста, спросите у тех двойчаток, которые вырастают на орешнике, ранней весной, под теплым солнцем, и потом уже не могут отделиться друг от друга даже поздней осенью.

Говорили, что добрая бабушка приколдывала их друг к другу, и даже обстоятельно рассказывали, как и чем, — но мало ли что говорят люди!

Верно было только одно: бабушка смотрела на многое так, как могут смотреть только немногие. Она понимала, например, что вся сила в хорошем куске земли, а этот кусок зем-

ли был у Жана, а что всего лучше, он сам купил его на собственные, трудовые деньги.

Деньги эти были немалые, потому что все, имеющие землю, очень хорошо знают ее силу, и, чтобы добыть эти деньги, Жану было хлопот тоже немало... Но ведь у него были отличные, здоровые руки, а в голове, вместо знания, был толк да уменье, что порой бывает лучше всякого знания. Если прибавить ко всему этому доброе сердце и честное лицо, то можно, кажется, без особого труда понять, почему Розхен согласилась выйти за Жана и почему бабушка Марта была рада этой свадьбе.

И, наконец, свадьба Жана и Розхен была сыграна, а как это все произошло, пусть каждый представит себе, как может.

Когда, на другой день свадьбы, Розхен чуть ли не в третий раз подумала: «Ну! теперь Жан мой, и я счастлива», — и только что собралась, принарядившись, идти вместе с Жаном к бабушке Марте, как сама бабушка постучалась к ним в дверь.

Розхен хотела тотчас же броситься к ней на шею и сказать: «Я счастлива!» но бабушка таким таинственным шепотом три раза про-

говорила: «Не подходи, не подходи, не подходи!» — что Розхен остановилась как вкопанная. А бабушка торжественной походкой направилась прямо к большому шкафу. Она несла обеими руками горшок, — простой старый глиняный горшок, покрытый полотенцем и завязанный черной лентой.

— Отвори! — сказала бабушка, подойдя к шкафу.

Розхен отворила его, и бабушка сама, приподнявшись на цыпочки, поставила горшок на верхнюю полку.

— Вот вам, — сказала она, поправив платок на седой голове. — Вот вам! Будьте счастливы!

— Что же это такое? — вскричала Розхен, — что это ты нам принесла?

— Это... это — ваше счастье. Верьте в него и не разбейте его. Оно очень непрочное, как и все в брэнном мире.

Жан посмотрел на бабушку как-то двусмысленно. А Розхен?.. Но она уже верила прежде, чем бабушка сказала верьте! Она уже обнимала, и целовала, и благодарила свою милую бабушку. И если кому-нибудь пока-

жется странна эта вера в счастье, которое лежит в глиняном горшке, то его можно спросить: а разве он никогда не верил в леших, домовых и просыпанную соль?.. Нет! Пусть каждый верит во что хочет, только бы не мешал никому жить на свете!..

Прошло шесть лет, целых шесть лет постоянного семейного счастья. И все это благодаря простому глиняному горшку. Вот так горшок! Золотая, завидная вещь!

Что же лежало в нем? Неужели он был пустой? Нет, лежало в нем очень много, много всего, что бывает везде в целом свете, но ведь он был завязан крепко-накрепко, и если Розхен не решилась его открыть, то, разумеется, узнать — что в нем лежало — можно было только по прихоти случая. Такова уж судьба многих великих открытий.

И случай явился, — как и всегда некстати и не вовремя, все равно что гость, который хуже татарина.

У Розхен был сын, единственный сын за все шесть лет замужества. Розхен любила своего единственного маленького Луллу, любила так, как она, понятно, не могла бы любить, ес-

ли бы вместо одного Луллу у ней было их четверо или шестеро. Впрочем, едва ли в целом мире была хотя одна вещь, которую Розхен не любила бы хоть немножко или, по крайней мере, не относилась бы к ней с состраданием.

Она любила свой домик, и даже ревновала его ко всякой пылинке, которая садилась на него. Любила простые деревянные стулья, скамьи и столы, потому что они были просты, и не давала их в обиду ничему, что могло бы их запачкать. Любила каждую вещь, каждую плоску, которую убирала и переставляла чуть ли не по пяти раз на день, — любила свой маленький садик с тощими яблонями, гнездо аиста на соломенной крыше, — и все это любила потому, что сам этот домик и садик были гнездом, свитым любовью для тихого, простого семейного счастья.

Иногда по этому гнезду проносились разные невзгоды, как проносятся тени от летних облаков по светлomu зеркалу спокойного пруда. Розхен встречала и провожала их с улыбкой, а если улыбка не выходила и подступали слезы к сердцу, то ей стоило только взглянуть на старый горшок, в котором лежало ее сча-

стве, и слезы утихали.

— Все это пройдет! — говорила она с твердой верой, — и все это действительно проходило, как проходит все на свете, в ту неизведанную даль, которая называется вечностью.

И вдруг, в одно ненастное утро, все это, вся любовь и вера Розхен исчезли. Слепой случай явился и раскрыл горшок с счастьем, раскрыл очень просто и основательно.

До этого горшка давно добирался Луллу, точно так же, как добирался до всего, что было ему неизвестно.

— Что это там в горшке? — допрашивал он мать.

— Это наше счастье...

— Это сладкое?..

— Очень, очень сладкое! — И в доказательство Розхен крепко поцеловала Луллу.

Ну, и этого было вполне достаточно, чтобы Луллу, улучив удобную минутку, отправился на охоту за горшком.

Он подмостил к шкафу скамейку, на нее стул, на стул влез сам. Все это совершилось очень благополучно, но все-таки до горшка со сладким счастьем оставалось добрых пол-ар-

шина... Луллу не долго думал; он схватился одной сильной ручонкой за верхнюю полку, а другой за горшок. В это время стул под ним покачнулся, под стулом покачнулась скамейка, и все это, со всем величием, полетело на пол.

Луллу ушибся довольно сильно; но его занимал горшок, который не только ушибся, но даже расшибся на несколько черепков. Он подполз к нему с твердой верой в сладкое — и что же?.. Он нашел в нем то, чего вовсе не ожидал, он нашел — просто ничего или почти ничего... Всякий сор, хлам, старые щепки, старую подошву, соль, которую он принял за сахар, но она оказалась солью! Луллу горько заплакал — разочарование было полное.

На плач прибежала Розхен; что вспыхнуло при этой картине у ней в сердце это может каждый себе представить. Счастье ее было на полу, разбито. Разбил его ее родной сын, ее милый Луллу... Но когда собственное счастье разбито тут не до родного сына.

Луллу она наградила доброй затрещиной, а так как он никогда ни от кого не получал такого милого подарка во все пять лет своей

жизни, то тотчас же перестал плакать и задумался.

Потом Розхен наклонилась к горшку — любопытство пересилило горе: она начала жадно рыться в сору... Сор был самый простой и обыкновенный. В нем она нашла длинную, большую булавку, простую, бронзовую, позеленевшую, с большой стразой. Где же счастье? Неужели в этом сору или в этой старой подошве от изношенного башмака? Или в этих щепках? Или в этой соли, которая была смешана с сором? Нет, все это было из рук вон. Это все была очевидная, злая насмешка, и Розхен расплакалась, а Луллу исподлобья смотрел на нее. В первый раз в жизни он со злобой смотрел на мать и думал:

— А могу я ей дать затрецину или нет?..

И вот все теперь для Розхен стало совсем другое. Домик, который прежде был так хорош, теперь стал тесен. Стены его оказались кривыми, пол в щелях, столы и скамьи тяжелыми, стулья неуклюжими. Маленький садик стал похож на огород с дрянными яблоньками, и потом этот несносный аист, который постоянно кричит на крыше и не дает спать

по ночам!

— И этот Луллу, гадкий, своенравный, избалованный мальчишка, которому и на свет не следовало бы родиться... И зачем я родила его, и все на свете так гадко! — И Розхен горько плакала... А этот Жан!..

И с ним она должна жить до самой смерти!.. Увалень, мужик, который только и знает, что работает, да лезет целоваться с нею и говорит так противно: «Милая Роза моей жизни!..»

А Жан как раз вошел в это время, совсем некстати. Видно, был тяжел на помине. Разумеется, он тотчас же бросился к милой, доброй Розхен, начал расспрашивать... но она так взглянула на него и так толкнула, эта постоянно милая и добрая Розхен, что Жан отошел от нее, сам не свой...

И все это наделал старый разбитый горшок! Ну, не глупо ли устроено все на свете? Сами посудите!..

Разумеется, во всем была виновата бабушка, и уж ей-то всего более досталось от Розхен, — этой коварной, хитрой бабушке, которая посмеялась над ней, как над маленьким

ребенком... О! если бы только она ее увидела.

И бабушка не заставила долго ждать себя.

Она пришла и застала свою милую Розхен в слезах над разбитым горшком. Она посмотрела на нее и... расхохоталась.

Это превосходило всякое терпенье. Розхен вскочила. Она всхлипывала и только могла сказать: «Горшок... счастье мое... все дрянь!..»

Бабушка очень храбро обняла ее, поцеловала, и Розхен точно обрадовалась этому случаю. Она припала к груди старой бабушки и долго рыдала, как ребенок...

— Ну! — сказала, наконец бабушка, — теперь будет. Поплакала, и будет. Послушай, что я тебе скажу. Ведь ты была счастлива целых шесть лет?

— Да, была, благодаря твоему гадкому горшку!

— Ну! благодаря моему гадкому горшку и всей дряни, которая в нем была. Но если этот горшок разбился, разве что-нибудь изменилось от этого?

— Жить в таком тесном, дрянном домишке!.. — говорила сквозь слезы Розхен.

— Да! Но ведь ты жила в нем вместе с тво-

им милым Жаном.

— Хорош милый! Нечего сказать. Глупый увалень!

— А! а! Но ведь ты вышла за этого глупого увальня. Ты любила его?.. А теперь больше не любишь, потому что старый горшок разбился... Ну, хорошо! И Жан тебя не любит. Он найдет добрую, умную жену, которая его оценит...

— Кого это?! — вскричала Розхен и выпрямилась. А слезы ее и все горе совсем улетели...

— Что тебе за дело? Ты его не любишь, а без любви нельзя жить... Пусть же он будет счастлив!

А Жан стоял тут же, опустив голову и сложив руки. Он смотрел на Розхен такими грустными, растерянными глазами, как будто хотел сказать: что мне за дело до всех старых горшков, пусть их всех черт перебьет, только бы цела и крепка была наша любовь.

И Розхен вдруг стало совестно перед Жаном и досадно на себя, и жаль его, этого доброго Жана.

А бабушка еще более подтолкнула ее.

— Ведь он добр, — сказала она, — этот твой глупый увалень Жан.

Розхен взглянула на него, как маленький ребенок, который капризничает.

— Добр, — призналась она шепотом и сама улыбнулась доброй улыбкой.

— Потом, он честен и правдив, твой Жан, — продолжала бабушка. — Он никогда не солжет и никого ни в чем не обманет... этот глупый увалень. А главное, он любил тебя с детства и будет любить до старости... и чего бы он только для тебя ни сделал, на что бы ни решился, чтобы только ты была счастлива... Еще и то рассуди...

Но Розхен уже больше ни о чем не хотела и не могла рассуждать; она бросилась как сумасшедшая, так что стул, который попался ей на дороге, полетел на пол, она бросилась на шею к Жану, и они обнялись крепко, поцеловались, как после свадьбы, и слезы их смешались.

И для Розхен вдруг стало все ясно: он добр, честен, любит меня... Что мне за дело до всего на свете... все это мелочь... И все хорошо, когда есть любовь: она лучше всего на свете!

— Что же это такое, бабушка?.. — вскричала она.

— Что такое!

— Да твой горшок... ведь это глупость! Зачем ты мне его принесла?

— А зачем же ты верила в эту глупость, и притом целых шесть лет? Или у тебя ума не доставало сразу понять, в чем лежит твое счастье?

И Розхен засмеялась — и еще раз поцеловала Жану.

— А может быть, ты захочешь знать, — спросила бабушка, — что лежало в разбитом горшке? Это я могу тебе рассказать, и может быть, ты найдешь в этом что-нибудь поучительное, хотя там и лежали дрянные мелочи, но ведь из мелочей складываются все крупные вещи.

— Бабушка! это сказка? — спросил Луллу, который был охотник до всех бабушкиных сказок.

— Сказка, старая, глупая сказка.

— Ну, послушаем! — сказал он и подмогнул на стул.

— Послушаем, — сказала и Розхен и усе-

лась вместе с Жаном на один стул. Какие славные, удобные, широкие стулья! — сказала она и крепко обняла Жана.

А бабушка вытащила толстый шерстяной чулок, надела большие очки и принялась вязать и рассказывать.

— «Давно еще, — начала она, — при моей прабабке жили муж с женой, и очень хорошо жили. Раз мужу вздумалось подарить жене очень хорошенькую булавку с красивой стразой.

— Как! — вскричала жена. — Разве ты не знаешь, что булавку нельзя дарить, что мы наверное поссоримся?!

— Охота тебе верить во всякие глупые предрассудки.

— А?! ты это знал, ты нарочно хотел со мной поссориться, ты нарочно подарил мне эту гадкую булавку... — И она бросила ее на пол.

— Как! ты бросаешь на пол мой подарок, тебе дороже глупый предрассудок! Ты после этого дура!

И они поссорились, да так основательно, что всю жизнь грызлись, как кошка с соба-

кой».

— Вот тебе одна история. Теперь слушай другую. «Жили-были двое друзей. Раз они протянули друг другу руки через порог. Один сказал: я верю, а другой сказал: а я не верю! И тотчас же между ними поднялся такой порог, которого уж никакими судьбами нельзя было перешагнуть. Только после их смерти этот порог сгнил и рассыпался в мелкие щепочки. Ну, эти щепочки я собрала и положила к тебе в горшок. Ведь это очень любопытно!»

Третья история очень длинна и похожа на сказку. «Жили-были два башмака, и прескверно жили. Когда башмачник сделал один из них, то башмак сказал:

— Вот я первый, значит, я старше.

— Ну, нет! — сказал другой башмак. — Ты левый, а я правый, значит, я старше, — и они поссорились, да так основательно, что всю жизнь свою не могли смотреть друг на друга, а смотрели в разные стороны. При том оба башмака попали к очень злой женщине, которая имела привычку вставать левой ногой с постели. Она каждый день бранилась и колотила своего мужа как раз левым башмаком

по правой щеке. Поэтому самому башмак скоро изнашивался. Подошва его отпала, и выбросили ее на задний двор. «Вот это отличная вещь», — сказал маленький мальчишка и схватил эту подошву.

— «Да! — это хорошая вещь, — закричал другой мальчик, — потому что она моя!» — И они вцепились сперва в старую подошву, а потом друг другу в волосы. На крик их прибежали матери разнимать их и тоже вцепились друг другу в волосы. Прибежали отцы, тетки, шурины, свояки, сбежалась вся деревня. Начался шум и гам. Только к вечеру догадались идти в мировой суд. В мировом суде все перессорились, и пришлось всем жаловаться в главный суд. Но когда и в главном суде все перессорились, то советники донесли об этом деле, «о старой подошве», королю. Он рассказал о нем своей жене, старой королеве.

— Вот видишь, — сказал он, — правая сторона всегда будет права!..

— А! — вскричала она. — Это ты намекаешь на то, что я сижу на троне по левую руку и держусь левой стороны... — Помилуй! — вскричал король. — Я просто говорю о старой

подошве! — Как! ты меня называешь старой подошвой?!.. Помилуй!.. — Нечего миловать. Я довольна от тебя натерпелась. Это выше всякого терпения! — И она тотчас же отправилась в другое королевство, к другому королю, своему брату. Брат тотчас же принял сторону сестры, и два короля подрались, да так крепко, что в полгода оба перебили полкоролевства. И все это из-за старой подошвы, которая лежала в каком-то старом архиве за тридевятью печатями. Но все-таки я ее добыла оттуда и положила тебе в горшок... Да, это очень интересная сказка, а впрочем, загляни в историю, может быть, ты найдешь там что-нибудь похожее. Ведь мы ее плохо знаем, нашу отечественную историю!

— Наконец, — сказала бабушка, — если ты хочешь знать, что за соль и всякий сор лежит в горшке, то это очень простая вещь. Соль — простая соль, которую ты можешь, сколько хочешь, просыпать на стол. Наверное, из-за этого никогда не выйдет у вас ссоры с Жаном. А сор — тоже простой и самый дрянной сор, которого никогда не следует выносить из избы. Ну вот вам и весь рассказ! Теперь вы зна-

ете, что лежало в горшке; знаете, что когда в сердце теплый свет любви, то во всем свете кажется тепло и светло и всякая мелочь смотрит великой вещью. А главное, вы больше не верьте в старый горшок, потому что зачем же и вера, когда есть знание! Стало быть, старый горшок можно просто выбросить вон со всем, что в нем есть, и делу конец!

— Ну, нет! — вскричала Розхен и вскочила со стула. — Если ты, бабушка, так долго хранила весь этот старый хлам, то и мы его сохраним. Пусть он лежит у нас. как воспоминанье... о нашей глупости.

Бабушка пожала плечами и ничего не ответила.

А Розхен тотчас же нашла старый коробок, уложила в него все черепки старого горшка, уложила все, что в нем лежало, весь сор, весь хлам, обернула коробок тем же полотенцем, которым был закрыт старый горшок, и завязала его крест-накрест той же черной лентой. Потом поставила коробок опять на верхнюю полку.

— Ну! — сказала она, — все похоронено.

Неужели же она все еще верила в силу ста-

рого горшка?

Кто ее знает! Ведь со всякой верой трудно расстаться.